

УСТНАЯ ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИИ

Институционализация современной украинской социологии началась в 70-е годы прошлого века. Казалось бы, не так давно, но людей, которые были непосредственно причастны к этому процессу, осталось немного. Тем ценнее услышать эту историю в изложении Лидии Васильевны Сохань.

Первые социологические исследования, первые научные темы, первое участие в международных социологических конгрессах, создание Киевского отделения социологической ассоциации — все это происходило с ее участием, а часто и под ее непосредственным руководством. Сама история жизни Лидии Васильевны тесно переплетена с историей страны, а ее становление как ученого — с темой вовлеченности людей в развитие общества. С первого ее научного исследования о творческой инициативе рабочих до масштабного развития проблематики жизнотворчества, вокруг которого состоялось становление научной школы Л.Сохань, она находилась в центре украинских исследований проблем взаимосвязи личности и общества. Многие ее непосредственные ученики ныне определяют облик украинской социологии и сами уже стали частью ее истории. Но и для них, и, особенно, для молодых ученых в этих воспоминаниях откроются новые страницы истории социологии в Украине.

Наконец, хотелось бы выразить огромную благодарность Лидии Васильевне, которая и сейчас является частью нашего социологического сообщества, следит за нашими публикациями и сама участвовала в подготовке данного интервью в печать. От имени редакции журнала и всего коллектива Института социологии мы сердечно поздравляем ее с 94-летием и желаем крепкого здоровья и долголетия.

Экспертное интервью с Л.В.Сохань, проведенное 09.03.2007 года¹

Олег Рыбщун: *В течение всей своей профессиональной жизни Вы много внимания уделяли проблемам социальной психологии. Почему именно сфера социальной психологии стала предметом Ваших научных поисков? Почему именно социальной психологией Вы занимаетесь?*

---

¹ Интервью с Л.Сохань, которое в сокращенном виде представлено далее, было проведено О.Рыбщуном в марте 2007 года в ходе изучения истории украинской социологии. Полный текст интервью будет напечатан в посвященной юбилею Национальной академии наук Украины книге “Академічна соціологія в Україні (1918–2018)”. Т. 2 “Спогади, інтерв’ю, статті”.

Лидия Сохань: Вас больше будет интересовать социологическая ассоциация или персона Сохань?

О.Р.: *Больше персона Сохань, а уже через персону Сохань я хотел бы отразить видение специфики процессов, которые тогда происходили; а также очертить Ваш вклад, Вашу роль в этих процессах.*

Л.С.: Интерес к социологической науке начинает пробуждаться где-то с конца 60-х годов. Причем этот процесс, естественно, более интенсивно развивался на Западе, но охватил и нас. В российских городах — в Москве, Ленинграде, Свердловске (эти три крупных центра явно выделялись) — все шло более интенсивно. Естественно, мы тоже в этот поток влились. Мы шли к социологии от исторического материализма и научного коммунизма. Постепенно отпочковывались и институционализировались.

Первое, что было создано, — это ассоциация социологов в 1968 году. Причем, обратите внимание, вначале у нас были очень широкие контакты со специалистами различных областей знаний — поскольку в социологии не было специальной подготовки социологов, то в саму социологию вливались из разных отраслей знаний, например, Хмелько и Паниотто — эти довольно солидные фигуры — пришли из физики, из математики... У нас было также тесное содружество с экономистами, Институтом экономики, с юристами, затем с кибернетиками, с группой Глушкова — Амосова.

Постепенно разворачиваются прикладные социологические исследования. Например, очень крупные исследования на Львовском телевизионном заводе по социальному программированию. Был составлен план социального развития вслед за Ленинградом, где под руководством Ядова такой план был составлен на заводе “Светлана” — они даже получили государственную премию. Мы тоже представляли свой проект — один голос недобрал наш план социального развития. Естественно, проводились конференции, семинары и т.п., на которых присутствовали такие крупные фигуры, как Глушков (кибернетик), Терещенко (экономист), Добров (историк науки). Начали публиковаться социологи в Украине.

Когда в 1970-х годах стали активно разрабатывать автоматизированные системы управления, над этим работали кибернетики, и мы к ним подключились — издали книгу по социальному управлению.

Когда в конечном итоге был создан отдел социологии, его возглавил Попович. Затем создали отдел социальной психологии, где руководителем уже стала я. Поскольку в это время очень активно разрабатывались проблемы научно-технической революции, мы подготовили монографию “Научно-техническая революция: личность, деятельность, коллектив”, и она даже была удостоена премии имени Мануильского. ЦК параллельно нам поручило выступить соисполнителями комплексной программы социально-экономического развития Украины и вести раздел “Научно-технический прогресс и человек”. По-моему, больше пяти лет мы выполняли эту часть комплексной программы.

Затем был Международный социологический конгресс (кажется, шестой), в Эвиане, во Франции, в котором впервые участвуют украинские социологи. Естественно, я еду на этот конгресс. Затем был еще ряд конгрессов. В Болгарии был, где я представляла доклад “Научно-техническая революция

и человек”. Этот материал даже затребовали в Вену, где у них был социологический центр.

А где-то в конце 1970-х годов пошел буквально шквал работ по образу жизни. Естественно, первые — в Москве, в Ленинграде. И эта волна докатилась до нас. Но мы решили в этой сфере отразить свою специфику, а именно социально-психологические проблемы образа жизни. И выдали целую серию книг: “Образ жизни”, “Стиль жизни”, “Культура жизни”, “Жизненный путь личности”, “Разумная организация жизни личности” — полдюжины книг. Участвовал весь коллектив. Причем у нас было так — мы собирались, я заявляла какую-то новую тему, излагала примерно ее видение, а затем все подробно обсуждали ее, и каждый вносил свою лепту. Так рождалась концепция, на основе которой потом создавалась книга.

О.Р.: *Насколько сложно было попасть на те конгрессы? Вот, скажем, российские исследователи и украинские исследователи — была ли тут разница в допуске за границу?*

Л.С.: Особых трудностей не было, поскольку Украина и украинская социология уже как-то заявила о себе, нас свободно туда приглашали, и мы свободно включались в число участников. Оформление документов тоже не составляло особых трудностей. На том конгрессе — во Франции — на одной из секций даже была довольно свободная дискуссия...

Французы нам сделали подарок — путешествие по Женевскому озеру, до самой швейцарской границы. Нам показали домик, где обосновался Чарли Чаплин на склоне лет и где он завершил свою жизнь. Обстановка была довольно свободной, можно было свободно дискуссировать. Мы потом подготовили (хотя, по-моему, не к этому конгрессу) даже сборник работ.

Р.О.: *Почему же все-таки именно социальная психология стала предметом научных поисков?*

Л.С.: Для меня?

Р.О.: *Лично для Вас.*

Л.С.: Я вообще фантазер, и моя концепция жизнестроительства, то есть сознательного построения своей жизни, собственно говоря, в какой-то мере списана с меня самой. Потому что я, видимо, активно и самостоятельно осуществляла выбор целей, путей и своей программы. Когда была еще школьницей — я писала стихи, и одно стихотворение написала и послала в “Пионерскую правду”. Естественно, оно было в духе патриотизма, воспевания труда. Но тогда журналисты были более внимательные, чем сейчас. Они не просто мне ответили, они меня пригласили для беседы. А мне было лет тринадцать или четырнадцать. В общем, состоялась беседа со мной, было высказано несколько пожеланий. Я не захотела этим заниматься, отдала в стенную газету. Потом, когда я была уже в 10-м классе, мы вместе с моей подружкой написали пьесу. Это был 1939-й год, советско-финская война, и в основу пьесы был положен как раз такой сюжет: семья — отец с матерью, у них сын, который уходит на финский фронт. У юноши — подруга. Причем мы писали, имея в виду наших учеников — кто какие роли будет играть. Скажем, подружку этого фронтовика играла девушка, которая играла на гитаре и очень хорошо пела. Так мы специально придумали такой эпизод, в котором можно было играть и петь: он возвращается с финского фронта, где был

очень долго, поэтому такая встреча, и девушка поет. Эту пьесу мы ставим, и даже из соседней школы люди приходят. В общем, я готовлюсь к тому, чтоб заняться литературной деятельностью.

В школу я пошла не в первый класс. У нас было так (все-таки сибирская деревня) — в этом году первый класс, а на следующий только второй, первого нет. У нас была большая семья, дома было неуютно, и я стала плакать, проситься, чтобы меня отпустили в школу. И где-то к середине зимы учительница сказала — пускай приходит, сидит. Так что я сразу пришла во второй класс. Вначале просто сидела, а потом учительница решила, что это не дело, и в общем меня подключила. А на будущий год были только первый класс и третий. В первый класс меня не стали оставлять и отправили в третий.

Поэтому когда я закончила школу, мне было пятнадцать с половиной лет. И я начала раздумывать — куда мне? В Москву? В Ленинград? Маловато мне лет — могут не принять. И вдруг приходит в голову послать документы в Иркутский университет, на историко-филологический факультет. Пишу заявление, причем, поскольку я фантазерка и поскольку это был 39-й год, я пишу (на имя директора) так: прошу принять меня на историко-филологический факультет, я хочу быть поэтессой. (Кошмар!) Да. Я хочу быть поэтессой и в своих стихах, написала, воспевать Родину и Сталина. Естественно, я была приглашена. У меня были приличные оценки, и я поехала в Иркутск...

Приезжаю в университет, прихожу сдавать экзамены. Деканом факультета был Лев Александрович Петров, философ (он закончил Санкт-Петербургский университет и был направлен на работу в Иркутск). Красивый такой — сухощавый, высокий — мужчина, очень добрый, интеллигентный, профессионал высокого класса. Получилось так, что он присутствовал на экзамене и слушал мои ответы. Прихожу на следующий экзамен, сажусь к преподавателю, смотрю — и он подсаживается. И на всех экзаменах, которые я сдавала, он подсаживался.

Закончились экзамены, и на следующий день в общежитие мне приносят записку от декана, где он просит меня зайти в деканат. Напомню: я поступила на историко-филологический факультет, на филологическое, естественно, отделение. Итак, прихожу в деканат, начинаем беседу, он спрашивает: “Почему Вы на филологическое отделение?” Я объясняю. Он говорит: “Ну что Вы! Если у Вас есть дарование — это талант сам по себе. Но Вам лучше заканчивать исторический. Вы получите знание истории и на этом материале можете тогда осуществлять свои писательские опыты...” Еще какие-то аргументы были в этом плане. Я согласилась перейти, но потом пожалела, и до сих пор это сожаление осталось.

Год я заканчивала прилично. Конец учебного года, воскресенье, мы готовим очередной экзамен. Причем, ходили разговоры, что отличники поедут на экскурсию в Москву и Ленинград. Конечно, мы усердно готовились, сидели в общежитии, и вдруг вбегает одна из девочек и кричит: “Началась война!” Был воскресный день. Мы все были в шоке.

Короче говоря, мы сдали тот последний экзамен. Декан наш был в армию призван, а нас, группу студентов отправили на Байкал, в рыболовецкую бригаду. Мужиков взяли на фронт. Улов тащили лошадьми, а мы помогали. Однажды мы вытащили 100 центнеров рыбы (об этом даже писали в

газетах) — омуль, сиг, в общем известная рыба. Пробыли мы там, наверное, месяц или два, и вернулись.

Я — в свой родной город к родителям, домой. У меня старшая сестра училась в медицинском институте (сильный был институт, великолепные кадры). И был у нас пединститут, но его куда-то на север эвакуировали. Тогда я иду и поступаю в медицинский. Полгода проучилась, но поняла — это не мое.

Ушла и два года работала в исполкоме, в райсобесе — инспектором по приему пенсионеров. Заведующей у нас была дама из Прибалтики, очень симпатичная, добрая, профессионал хороший. Но тут она уезжает, и председатель исполкома приглашает меня на беседу, чтобы я взяла на себя собес. В семнадцать лет — и собес! Там же сотни тысяч рублей и все такое. Так что я расплакалась и сказала — ни в коем случае.

Как раз в это время возвращается пединститут, так что я заканчиваю подготовку и иду в пединститут — естественно, на исторический факультет. Я прихожу к ним в середине учебного года — в феврале. Наш курс закончен, и я прошусь, чтобы меня приняли на второй. В общем я что-то сдала, досдала и стала студенткой второго курса исторического факультета пединститута.

Заканчиваю я институт. Это уже 1946-й год. Передо мной было три дороги: первая — преподаватель истории в школе, в деревне; вторая — лектор обкома комсомола (а я и была внештатным лектором, даже статью написала о своей лекторской работе); и третья — остаться в институте (мне предлагали стать освобожденным секретарем комсомольской организации). Из этих трех вариантов я выбираю секретаря, поскольку одновременно мне посулили аспирантуру. Итак, я — секретарь комсомольской организации.

Прошло полгода, и вдруг секретарей комсомольских организаций пединститутов приглашают в Москву на совещание ЦК комсомола. Я еду. Первый раз еду в Москву. Приезжаю, слушаю лекции. А потом прихожу я на очередную лекцию, и надо же — ректор Иркутского университета (он историю партии там преподавал) читает лекцию. И оказалось, что он уже стал начальником Управления общественных наук Министерства высшего образования Союза. Все его окружили — каждый со своими вопросами. А он подходит ко мне, садится рядом и говорит: “Как у Вас дела?” Я говорю: “Николай Степанович, Вы меня помните?” — “Ну как же...” Расспрашивает меня как и что. Я говорю, что закончила исторический факультет пединститута. “Приезжайте в аспирантуру!” — “Вы что, Николай Степанович? В Москву в аспирантуру из сибирского вуза?”. А он говорит: “Не боги горшки обжигают. У нас как раз в феврале месяце, — (а это был декабрь, кажется), — дополнительный набор в Институте философии. Вот Вы и попытайтесь...” Я долго мучилась, но он говорит: “Испыток — не убыток, попытайтесь”. Зажег он меня этой идеей.

Короче говоря, приезжаю я домой и говорю об этом маме. А у нас в этом смысле атмосфера была очень благоприятная... Учеба у нас всегда была в центре внимания наших родителей, они нам всегда помогали. Мама говорит, конечно, нужно ехать. Но как в Москву-то ехать? Тогда мама продала что-то, картошки какой-то, набрала три тысячи денег, и я поехала.

Еду в Москву. Поезд приходит в 6 часов утра. Сажусь в метро и еду — прежде всего на Красную площадь. Выхожу — Красная площадь! Стою я — узелок, чемоданчик — и смотрю. Тут идет какая-то дама. Я и спрашиваю: “Скажите, где Красная площадь?” А она: “Так Вы стоите на Красной площа-

ди!” В моем представлении тогда Красная площадь — это что-то размером с половину земного шара. А тут какое-то сравнительно небольшое пространство, как Вы помните. Так и состоялась моя встреча с Красной площадью.

Подала я заявление в аспирантуру, встретила с Николаем Степановичем, он одобрил этот шаг, и говорит: “Ну, готовься”. Начинаю готовиться. Иду на кафедру иностранных языков, чтобы проверить, как мой иностранный язык — немецкий. Я что-то почитала, и мне говорят: “Когда Вы хотите в аспирантуру поступать?” Я отвечаю: “Сейчас, в феврале”. — “Нет. Мы Вас не пропустим, у Вас очень слабое знание языка. Для академического института это недостаточно”. Ушла я огорченная. И вдруг узнаю, что поступление переносят на июнь или июль месяц, на лето. Прихожу я к Николаю Степановичу: “Что ж мне теперь уезжать обратно?” А он: “А в чем проблема? Мы Вас примем к себе на работу”.

И он берет меня младшим научным сотрудником в научно-методический кабинет отдела общественных наук Министерства высшего образования СССР. Прихожу в отдел кадров — документы, заявление. Завотделом кадров ворчит: “Столько закончивших московские институты не могут найти работу! А тут, понимаете ли, из Сибири приехала — и ее уже младшим научным сотрудником в научно-методический кабинет”. Она имела в виду земляческие, так сказать, отношения. Но я становлюсь сотрудником того отдела, что готовит разного рода методички и т.п. и одновременно готовлюсь к аспирантуре.

В мае я беру отпуск за свой счет и сажусь за свой немецкий. Через месяц прихожу к той же преподавательнице, читаю текст, она снимает очки и говорит: “Все, можете идти сдавать”. Так, сдав все остальные экзамены, я становлюсь аспиранткой.

Я попадаю (не специально) в сектор психологии, которым ведал академик Рубинштейн, Сергей Леонидович. Это величина мирового класса. Мне назначают руководителя, и тот дает мне тему: “Разработка проблемы характера Лозовского”. Меня это не очень интересовало, меня интересовала живая жизнь, живые факты. Но я начинаю читать литературу, и вдруг он уходит из жизни. Я тогда, естественно, откладываю Лозовского и выбираю себе тему: “Развитие творческой инициативы рабочих в процессе соревнования”. И начинаю мотаться по заводам (я тогда лектором была, лекций очень много читала), собираю материалы, литературу. Там были знаменитые фигуры так называемых “стахановцев”, я с ними лично встречалась. Практически это было первое социологическое или даже социально-психологическое эмпирическое исследование, потому что я у реальных людей брала интервью, я бывала на собраниях, брала документы по соревнованию, литературу по соревнованию (тогда ее было много). Когда я взяла такую тему, пришлось подумать, кого же мне выбрать себе в руководители. Я думала, что наиболее социально-ориентированным является профессор Колбановский. Он не был автором крупных работ, но был очень крупным методологом, генератором новых идей. Этакая активная, творческая личность. Иду я к нему, прошу, чтоб он стал моим руководителем, называю тему, и он соглашается.

Заканчиваю я диссертацию. Нужны оппоненты. Я думала — кто у нас над проблемой творчества работает? И намечаю академика Теплова Бориса Николаевича (это была очень солидная фигура). Обращаюсь к нему, и он дает согласие. В общем я уложились точно в срок — поступила, три года про-

шло, и вот моя диссертация, которую я и защитила. Так и состоялась моя карьера.

После этого меня направили в Кольский филиал Академии наук для чтения курса лекций по философии, приема кандидатских экзаменов. Через полгода я вернулась и попала в издательство “Знание”, где была старшим редактором, а потом заместителем завредакцией.

В очередной отпуск поехала я на юг и встретила там со своим неповторимым Павлом. Так я оказалась вначале в Харькове, ну а потом... Я была уже кандидатом наук, а он — нет. И я сказала: ты, мол, пиши диссертацию. И настояла, чтобы он пошел в аспирантуру, а был уже отцом двух сыновей. Он пошел в Институт истории в аспирантуру, а я — в Институт философии. Вначале была просто старшим научным сотрудником, потом завотделом исторического материализма, позднее — научного коммунизма и наконец — социальной психологии.

О.Р.: *А вот такой вопрос: в Советском Союзе в послевоенные годы социология как наука появилась сначала в России, а в Украине эти процессы начались позднее. Были ли какие-то трудности со становлением науки в Украине именно в первое время? Была ли какая-то специфика?*

Л.С.: Конечно. Когда я свою диссертацию написала — по соревнованиям и развитию творческой инициативы, — ее смотрел академик Константинов. Он мне и говорит: “А чего ради ты пошла в эту социальную психологию, ударилась в эту социальную психологию?” То есть считалось, что это сфера, недостойная философского осмысления, сфера повседневного человеческого бытия. В Украине специфика заключалась в том, что не хотели придавать социологии институционального характера. Не было факультета для подготовки кадров, поэтому социология вначале формировалась из специалистов из самых различных областей знания: из экономики приходили, из юриспруденции, математики, физики и т.п. Это первое. Второе — мы все время чего-то добивались... Уже и отделение было создано (это была общественная инициатива — они не могли это предотвратить), к этому времени уже было что-то накоплено, в смысле связей и публикаций... Со стороны Москвы (а мы всегда на нее ориентировались) особого противодействия не было. Но что касается создания кафедры или отдела — этот вопрос долго не решался. И лишь потом, когда уже были действительно проведены социологические исследования, в которых мы участвовали, власти пошли на то, чтобы создать отдел социологии.

Мы еще провели в свое время крупное исследование по образу жизни населения Украины, и это особенно подстегнуло интерес к нашей социологии. Это была общесоюзная программа, составленная под руководством Левыкина, и как ее часть, по той же методике, по тем же анкетам, мы проводили опросы у нас. Я была руководителем, а участвовали в исследовании Владимир Паниотто, Елена Злобина, Евгений Головаха. Была потом даже публикация в журнале “Вопросы философии”. В 1980-х годах вышла наша статья об образе жизни населения города Киева. Эти материалы, естественно, мы направляли в центральные органы, в отдел науки, во всяком случае. Их это заинтересовало и определенным образом подстегивало принимать какие-то управленческие решения, связанные с институционализацией социологи-

ческого знания. Затем нам дали аспирантуру по социальной психологии — нам повезло.

Когда я пришла в отдел социальной психологии, у нас заведомом по науке стал профессор Цветков (он сейчас член-корреспондент НАНУ). Однажды он пригласил меня на беседу, проявив интерес к социально-психологическому знанию. Нам выделили пять мест в аспирантуре. За счет этого у нас начался активный рост кадров, которые работали на стыке социологии и социальной психологии. Отделом социологии вначале Мирослав Попович руководил, недолго; потом пришел Черноволенко. Он меня вообще сменил после 1978-го года — и как руководитель отдела, и как руководитель социологической ассоциации.

О.Р.: *Когда создавалась ассоциация, кто был инициатором создания этой организации?*

Л.С.: В деталях уже трудно это представить себе. Просто уже была создана Социологическая ассоциация Союза, и началось создание социологических отделений в республиках. Мы — самая крупная республика по научному потенциалу, в том числе у нас уже был социологический отдел. У нас была очень сильная харьковская группа, на базе якубовской. Якуба пришла из права, потом была философия, затем — социология. Она очень сильно работала с партийной властью, добиваясь создания факультета, а затем и лаборатории. Все шло оттуда, инициировалось там...

У нас как-то сразу возникли широкие контакты. Во-первых, мы очень хорошо с Донецком контактировали. В Донецке математики были, кто-то из юристов. Их много было, и они очень активно с нами сотрудничали. Затем были Амосов и академик-экономист Алымов. Это был Институт экономики, от него были представители. Это были две крупные фигуры — Амосов и Алымов. Затем днепропетровская группа стала к нам примыкать. Харьков, естественно. Очень сильно подталкивал весь процесс Львов, раз уж мы стали проводить исследования на львовском заводе.

Еще в 1970–1980-е годы у меня была трехмесячная научная командировка в Чехословакию. Там тоже были контакты установлены, особенно по разработке проблем научно-технической революции. Все это нас подстегивало, стимулировало. По моему впечатлению, всплеск был где-то в 1970–1980-е. Поскольку вокруг социологии зарождалось что-то новое, вливалось очень много свежих сил, возникали межнаучные контакты, комплексные работы, активно проводились различного рода симпозиумы и встречи, в том числе с участием очень крупных ученых. А в 1980-е все приняло уже институциональный характер, в рамках Института философии все было по-академически, но такого общественного размаха уже не было. Была сосредоточенность на отделе социологии, и социологическая ассоциация уже не вела такого активного диалога со специалистами других направлений. Но они уже достаточно солидно заявили о себе своими работами. Тут вырываются такие фигуры, как Паниотто в качестве социолога, а не только как математика, затем сам Черноволенко — очень крупный социолог, профессионал высокого класса.

О.Р.: *Во времена горбачевской перестройки произошли ли какие-то изменения в развитии науки в Украине, в частности социологии?*

Л.С.: Вы знаете, к этому я уже меньше причастна. Это 1985-й год. По-моему, я даже не была уже руководителем отдела. У меня лично этот период совпал с развитием, углублением контактов с педагогическим направлением.

В один прекрасный день приходит Ермаков Иван Игнатьевич, историк по специальности, но работал в Институте педагогики. Он наткнулся на нашу работу по жизнетворчеству, пришел к нам и больше 10 лет — почти пятнадцать — мы сотрудничали. Вышла целая серия книг — учебных пособий по жизнетворчеству. Я фактически сосредоточилась на этом направлении и как-то отошла от активного участия, больше принимала участие в подготовке аналитических записок по результатам мониторинга — крупномасштабного исследования, который проводит Институт социологии. Что касается темы жизнетворчества, то она получила такой резонанс, что многие школы перешли к этой парадигме учебно-воспитательного процесса. Кроме того, по решению Министерства образования и науки создана экспериментальная база в учебно-реабилитационном центре на Хортице, где я считаю научным руководителем или консультантом.

О.Р.: *За последние пятнадцать лет, уже после того, как фактически распался Советский Союз, и после того, как в Украине начались активные процессы по государственному строительству, довольно серьезные изменения произошли непосредственно в украинской социологии. Какой Вы видите современную украинскую социологию и чем она отличается от той, советской социологии?*

Л.С.: Сейчас, во-первых, расширяется система социологических центров, кафедр, исследовательских разных фирм. Причем по разным направлениям — это второе. И третье — социология очень активно сотрудничает с институтами власти. Такие эксперты, как Чурилов, проводят рейтинговые опросы и т.п. Социология признается — во многих политических выступлениях, в документах, в средствах массовой информации фигурируют данные социологических опросов, социологические выводы, рекомендации и т.д. Социология стала частью системы, она уже не где-то сбоку, а обслуживает нужды общества. Она востребована. Кроме того, создано много кафедр (вот только зарплата...), развивается подготовка кадров в Институте социологии (это не один десяток докторов по социологии). Наука социология прочно заняла свое место в системе социального знания, появилась действительно достаточно продуктивная научная сила. А то, что с 1992-го года ведется мониторинг Института социологии — это вообще эпохальное свершение. Мы сейчас даже в полной мере не можем его оценить... Это как жемчужина в нашей науке, потому что проследить в динамике развитие страны сквозь призму восприятия его населением — это уникальная задача. Она охватывает широкий диапазон проблем, касающихся как поведения, так и фактов сознания людей. Мы вышли на совершенно новые позиции в понимании социальной реальности, особенно в связи с разработкой проблемы субъективной социальной реальности. Вышли на принципиально новый подход в связи с тем, что феномены сознания мы рассматривали только как явление объективно существующее. У нас также присутствует прогностическая ориентация социологического знания, связанная с бизнесом. Давать прогнозы — это ведь нужно иметь очень солидную аналитическую базу, нужно накопить информацию в этом направлении...

Расширяется диапазон проблем, их уровень — как научный, так и социальный. То есть, если резюмировать, это уже наука, сформировавшаяся, успешно действующая, с серьезными исследованиями. Естественно, скептики до сих пор есть. Особенно часто у меня с историками возникает полемика. Они считают, что у них документ как материал — это солидно, а опросы — это, мол, “кто-то что-то придумал”. Спрашивается — а в архивах что? Там иногда хранятся даже вполне случайные записи и т.д. Ничто стопроцентной достоверности не дает. Но это уже отдельная тема.

О.Р.: *Можно ли определить некий комплекс проблем, стоящих ныне перед современной социологией и которые необходимо решить, чтобы она развивалась в будущем?*

Л.С.: Я считаю, что нам нужно усилить научные поиски и реально практиковать участие в разработке научной стратегии развития нашего общества. Мы пятнадцать лет вслепую бьемся, не имея четких социальных ориентиров. Нужна стратегия развития общества. Мне кажется, что в этом плане недостаточно используются наши силы со стороны правительства.

О.Р.: *Последний вопрос: какие перспективы и трудности, на Ваш взгляд, ожидают будущее социологии в Украине?*

Л.С.: Института или науки?

О.Р.: *Науки. Каково будущее социологической науки в Украине?*

Л.С.: Я думаю, что все будет идти своим ходом. Социология создала уже прочный фундамент знания, определилась с собственным предметом исследования социальных процессов, разработала научный инструментарий для изучения социальной реальности. Поэтому ей уготовано перспективное будущее. Во всяком случае, мне лично не видится новый обвал социологического знания, вроде того, что произошел в начале 1920-х годов, когда она вроде бы начиналась, в частности, в работах Грушевского, в его активности в этом направлении, а потом сошла на нет. Такого рода негативной динамики мне не видится. Я думаю, что социология все-таки будет достаточно солидно развиваться в рамках своего проблемного поля. Совершенствуется инструментарий знания, а это самое главное, ведь от совершенства инструментария знания зависит и достоверность нашей науки.

Материал получен 09.10.2018